

Юрий Буйда

Черная рука

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Васильевич Буйда

Черная рука

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21180060

Буйда, Юрий Васильевич. Покидая Аркадию. Книга перемен : роман:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90768-7

Аннотация

«...В пятницу Тата отправилась на встречу с богатым клиентом, который жил за городом и хотел застраховать дом и жизнь, добираться пришлось на метро до конечной, потом на автобусе, а потом еще пешком километра два, но дело того стоило, клиент подписал договоры на очень солидную сумму, угостил чаем, был мил, предложил подбросить ее до Москвы, но она отказалась, пошла пешком, решила сократить путь, свернула, споткнулась, упала, попыталась встать, но не смогла, Мишель подхватил ее на руки, отнес в свой дом, наложил повязку, подмигнул, она обняла его за шею, потянулась к нему губами – он ответил, и все, что произошло, произошло именно так, как и должно было произойти, и когда он лег рядом и взял ее за руку, она уже чувствовала себя другой, иной, новой...»

Юрий Буйда

Черная рука

В пятницу Тата отправилась на встречу с богатым клиентом, который жил за городом и хотел застраховать дом и жизнь, добираться пришлось на метро до конечной, потом на автобусе, а потом еще пешком километра два, но дело того стоило, клиент подписал договоры на очень солидную сумму, угостил чаем, был мил, предложил подбросить ее до Москвы, но она отказалась, пошла пешком, решила сократить путь, свернула, споткнулась, упала, попыталась встать, но не смогла, Мишель подхватил ее на руки, отнес в свой дом, наложил повязку, подмигнул, она обняла его за шею, потянулась к нему губами – он ответил, и все, что произошло, произошло именно так, как и должно было произойти, и когда он лег рядом и взял ее за руку, она уже чувствовала себя другой, иной, новой – впору имя менять, а спустя несколько минут она заговорила, освобождаясь от всего того, что мучило и болело, избывая тайну, с которой несовместима свобода, и даже не удивляясь тому, как легко дается ей освобождение от этой мерзкой тайны, а он слушал, водя пальцем по ее животу, и когда она замолчала, он сказал: «Выходи за меня замуж, Тата. Мы просто созданы друг для друга: мы оба левши», и она засмеялась и прижалась к нему, и они снова занялись любовью, а потом она сказала, что у

него шершавая нога, а он сказал, что она вся гладкая, как яблочко, даже лобок у нее гладкий, как яблочко, и она поняла вдруг, почувствовала, что теперь навсегда соединена с этим мужчиной жалостью, благоговением и стыдом...

Она рассказала Мишелю о старшей сестре Верочке, о которой никому не рассказывала, потому что Верочку изнасиловали и убили, а о таком позоре – шестнадцатилетнюю девочку из приличной семьи изнасиловали и убили – никому не рассказывают, о таком позоре молчат до смерти, но о позоре стало известно всему городку, об этом говорили все, и мать не выдержала, сначала заперлась на чердаке, потом наелась печной золы, потом попыталась выколоть себе глаза, а потом повесилась, потому что стыд оказался сильнее жизни, но Тата и об этом рассказала Мишелю, не упуская ни одной детали: черная перчатка до локтя, которая была на мертвой Верочке, печная зола, которой был набит рот мертвой матери, обручальное кольцо, которое отец во время похорон держал за щекой, а дома выплюнул и надел на левую руку, и только тогда Тата поняла, что жизнь непоправима, и заплакала в голос...

По ночам Тата, вооружившись кухонным ножом и натянув черную перчатку на левую руку, бродила по темным улицам городка, мечтая о встрече с насильником, который убил Верочку. Ей казалось, что он обязательно клонет на девочку в коротких шортах и обтягивающей маечке. Она чувствовала: он где-то рядом, в темноте, следит за каждым ее шагом, кра-

дется, прячась за деревьями, чтобы вдруг возникнуть перед ней, схватить, смять, впиться, и вот тут-то она возьмет его за глотку рукой в черной перчатке и всадит нож, повернет, еще раз, еще, наслаждаясь его смрадным предсмертным дыханием, каждым его хрипом и вздохом...

Эта игра закончилась через три недели, когда Тата зарезала соседа Тимошу, которого приняла за маньяка. Он выскочил из темноты с пьяным воем – хотел попугать девчонку – и получил удар ножом в сердце. Убийцу не нашли. Черную перчатку Тата с мрачным отвращением сожгла в огороде, в лопухах.

Однако что-то подсказывало ей, что Тимоша – случайная жертва, и мысли о маньяке не отпускали еще долго. Поначалу у маньяка не было лица – была какая-то бесформенная масса зла, какое-то чудовище, которое лишь угадывалось в темноте: блеск глаз, островерхое ухо, рука с перстнем, вросшим в палец, что-то мерцающее, просто – что-то огромное, мощное и лютое. Но такое очевидное существо не могло заманить в заброшенный дом Верочку, которая чистила зубы шесть раз на дню и целовалась только с собственным отражением в зеркале. Значит, загадочный насильник был обычным мужчиной, вызывавшим доверие, может быть, красивым мужчиной, молодым, но с проблесками седины в усах, с печальной улыбкой, деликатным и сильным, хорошо одетым и владеющим английским и, быть может, французским. Идеальный мужчина. Тата видела его улыбку во сне. Он гла-

дил ее по голове, целовал за ухом, щекотал усами шею, и она прижималась к нему всем телом, умирая от счастья, а наутро обнаруживала на шее синяки – следы его сильных пальцев, и невозможно было выйти на улицу без шейного платка, и душа ее была смущена совпадением образов идеального убийцы и идеального мужчины.

Вскоре после смерти матери отец привел в дом дальнюю родственницу, которую велел называть тетей Агнией: «Она будет присматривать за нами».

Агния была шумной, крупной и веселой. По ночам она громко кричала, потом выбегала на крыльцо голышом, чтобы остыть.

В первую же субботу, когда Шелепины мылись в домашней бане, она осмотрела Тату с ног до головы и сказала: «Ты какой-то конструктор, а не девушка. Остроглазый бог тебя делал – пригнал деталь к детали без зазоров, хоть на голову тебя ставь. Ножки правильные, грудка правильная, попка правильная... и вся ты – ни велика, ни мала, ни бела, ни черна. Красивая машинка, гладкая, но краски не хватает». Тата не поняла: «Краски?» «Души. Тело женщины и есть ее душа, а душа – это что-то такое неправильное, что-то такое *чересчур*, что-то лишнее... выпил водки, поел, покурил, а чего-то не хватает... песни не хватает, Тата... Но ничего, душа не от рождения дается, душа – дело наживное». Хлопнула Тату по маленькой крепкой заднице и расхохоталась во всю свою алую и белую блядскую пасть.

Тата любила вечерами поболтать с Агнией, которая после рюмки водки пускалась в рассуждения о любви, мужчинах и судьбе: «Своего мужчину узнаешь сразу, вдруг, как увидишь, как почувешь его запах, так и поймешь – не ошибешься. Он один такой, как Гагарин в космосе, и второго такого у тебя не будет никогда. Муж будет, любовник будет, в сарае с соседом будет, а твой – только раз в жизни...» И вспоминала о парне, с которым целовалась через решетку, а потом его увели, и все, и ничего больше между ними не было, а потом и замужем побывала, и маленькую дочку похоронила, и снова замуж вышла, а тот, с которым целовалась через решетку, так и остался – единственным...

«Через какую решетку?» – недоумевала Тата.

«Не важно, – говорила Агния. – У меня после него аж губы почернели...»

«Губы?»

«От любви, Татка, от любви...»

Тате становилось душно от таких разговоров.

Ей тоже хотелось «вдруг», но такого «вдруг», которое изменило бы не только ее жизнь, но и ее самое, и мужчины в этом ее «вдруг» занимали место вовсе не главное. Они были чем-то вроде молотка, отвертки или гранаты, при помощи которых можно было бы открыть дверь в другую жизнь, в жизнь после «вдруг».

От матери всегда пахло кухней – чем-то подгоревшим, прокисшим, подтухшим. Когда дочери были совсем малень-

кими, она туго бинтовала их ножки, чтобы ножки выросли стройными. Она не давала девочкам рыбу, чтобы они не онемели. Боялась цыган, черных собак, левшей и женщин «с глазом». Всего боялась. Каждый день ходила на завод, где работала нормировщицей, и высиживала в цехе восемь часов, не обращая внимания на насмешки пьяненьких сторожей. Завод выпускал мебель для ветеринарных клиник и зарядные ящики для военных, однажды все это перестало быть нужным, завод остановился, но мать по-прежнему каждый день ходила на работу. Бродила по пустым цехам, в обед перекусывала вареной картошкой с молоком, принесенными в узелке из дому, вечером жаловалась мужу на жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.